

А. Г. БОБРОВ

Новгородско-псковские отношения и Флорентийская Уния

1. Непонятное решение митрополита Исидора (декабрь 1437 г.).

Псков, как известно, в церковном отношении был наместничеством новгородского архиепископа. Источники не сохранили упоминаний новгородских владычных наместников в Пскове до XIV в. Известны «печати архиепископа новгородского», которые по сфрагистическому типу отнесены к XIV—XV вв., а по месту находок — только к Пскову. Их считают принадлежащими новгородским владычным наместникам в Пскове.¹ Наиболее ранняя среди известных наместничьих печатей Пскова датируется началом XIV в. и имеет надпись «Плесковъшкаг намешник(а)».² Сфрагистические данные свидетельствуют о той большей, той меньшей степени подчиненности наместника новгородскому владыке,³ но постоянные попытки псковичей добиться церковной независимости от Новгорода не имели успеха вплоть до декабря 1437 г., когда, как отмечает Новгородская I летопись младшего извода (далее: НIмл.), митрополит Исидор по дороге на Флорентийский собор проезжал Псков и «постави имъ анхимандрита Геласья и дасть ему суд владычнь и вси пошлины»,⁴ т. е. вывел псковскую церковную организацию из-под юрисдикции новгородского архиепископа.

Несомненно, Исидор этим ослабил позиции новгородской архиепископии, существенно урезал ее доходы. Почему митрополит решился на такую акцию накануне Флорентийского собора, когда, казалось бы, ему незачем было портить отношения с самым влиятельным и могущественным русским иерархом?

Исследователи не дали пока вполне удовлетворительного аргументированного ответа на этот вопрос. Так, например, по мнению А. В. Карташева, митрополит «устроил себе <...> новый источник доходов».⁵ А. А. Зимин без каких-либо доказательств предположил, что Исидор сделал это, «стремясь упрочить власть Московской митрополии, в пику Евфимию».⁶ А. С. Хорошев и Я. С. Лурье, напротив, говорят о новгородской ориентации Исидора.⁷

¹ Янин В. Л. Вислые печати Пскова // СА 1960 № 3 С 252—256

² Белецкий С. В. Сфрагистические данные о взаимоотношениях Пскова и Софийской кафедры в 14—начале 15 вв // Древний Псков. Исследования средневекового города СПб, 1994 С 82—83

³ Там же С 84—85

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М., Л., 1950 С 419

⁵ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви М., 1991 Т. 1 С 351

⁶ Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в М., 1991 С 87

⁷ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической истории Новгородской феодальной республики М. 1980 С 90, Лурье Я. С. Две истории Руси XV века СПб 1994 С 105

А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко показали, что решению митрополита Исидора о выводе Пскова из церковного подчинения Новгороду предшествовала специально проведенная подготовительная работа — создание Сборника посланий церковных иерархов (преимущественно митрополитов Киприана и Фотия) во Псков.⁸ По мнению этих исследователей, Исидор решил воспользоваться обострением взаимоотношений Пскова и Новгорода для «переподчинения псковской церкви непосредственно митрополичьей кафедре».⁹

Объяснение загадочного решения Исидора вряд ли следует искать в московско-новгородских или новгородско-псковских отношениях (ранее они неоднократно бывали значительно более напряженными) или в корыстолюбивых соображениях митрополита — перед ним стояла задача, несопоставимая по масштабам с перераспределением церковных налогов. Исидор ехал на Ферраро-Флорентийский собор, который должен был преодолеть многовековое разделение католического и православного миров. Как воспринималась идея объединительного собора и его решения на Руси, этим вопросом задавались многие исследователи (только в XX в. — А. Я. Шпаков, О. Пирлин, А. Зиглер, М. Чернявский, А. В. Карташев, Г. Штекль, Л. В. Черепнин, Г. Алеф, О. Халецки, Дж. Джилл, А. А. Зимин, Н. А. Казакова, И. Мейендорф, Я. С. Лурье и др.). И все же некоторые аспекты этой проблемы, в первую очередь касающиеся позиции и роли новгородского архиепископа Евфимия II в событиях 1437—1441 гг., могут быть пересмотрены.

2. Митрополит Исидор и архиепископ Евфимий II.

Первая встреча Исидора и Евфимия состоялась в Москве летом 1437 г., вскоре после прибытия митрополита на Русь. Очевидно, эта встреча была в определенном смысле значимой для Евфимия: известием о его отъезде в Москву 7 июля 1437 г. завершается основной текст Новгородской IV летописи первой редакции (общий для обоих списков — Новороссийского и Голыцкинского).¹⁰ Уже 7 или 9 октября того же года¹¹ посольство во главе с Исидором на пути в Италию остановилось в Новгороде. «Летописец епископа Павла» упоминает, что суздальский епископ Авраамий, а следовательно, и остальные суздальцы, участники поездки, прибыли вместе с митрополитом.¹² Как справедливо заметил Г. Штекль,¹³ судя по тому, что, согласно псковским летописям, делегация прибыла в Псков только «на память святого отца Николы, в Рождественное говѣние»¹⁴ (т.е. 6 декабря 1437 г.), в Новгороде она пробыла не «семь дний», как утверждает автор «Хождения на Флорентийский собор»,¹⁵ а целых семь недель.

⁸ Плигузов А. И., Семенченко Г. В. Новгородско-псковские отношения во второй половине 1430-х годов и формулярник митрополита Исидора // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Тез докл и сообщ науч симпозиума Новгород, 1986 С 11

⁹ Там же

¹⁰ ПСРЛ Л 1925 Т 4, ч 1 Вып 2 С 453

¹¹ Дата 7 октября содержится в анонимном «Хождении на Флорентийский собор» (см Казакова Н. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ М., Л., 1970 Т 25 С 63), дата 9 октября — в НІМл (Новгородская первая летопись С 419)

¹² «Приехал[и] в Новгород митрополит Сидор, владыка Суздальский» — БАН собр Доброхотова, № 18, л 47 об. Об этом же свидетельствует и анонимный автор «Хождения на Флорентийский собор» (см Казакова Н. А. Первоначальная редакция С 62)

¹³ Reissenbericht eines unbekanntenen Russen (1437—1440) / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von Gunther Stokl // Europa im XV Jahrhundert von Byzantinern gesehen Graz, Wien, Köln, 1954 S 175 (A 17) (Byzantinische Geschichtsschreiber Bd 2)

¹⁴ Псковские летописи / Пригот к печати А. Н. Насонов М., Л. 1941 Вып 1 С 44

¹⁵ Казакова Н. А. Первоначальная редакция С 63

Разумеется, главным предметом переговоров на обеих встречах (в Москве и в Новгороде) был грядущий объединительный собор. Хотя пребывание Исидора в Новгороде описывается летописцем как бесконфликтное («и почестиша его владыка и посадники, и бояръ, и купчи, и весь Великий Новъград»¹⁶), это выражение представляется в большей степени этикетным, чем действительно отражающим ход и содержание переговоров.

К встречам летом и осенью 1437 г. два бывших игумена, ставших выдающимися церковными деятелями и политиками, пришли с разным жизненным опытом, воспитанием и образованием. Исидор и Евфимий II были представителями двух различных направлений в культурной жизни первой половины XV в.

Исидор был человеком широкого кругозора, и его интересы не замыкались в кругу церковных проблем. Он занимался астрономией,¹⁷ оставил после себя географическое сочинение о плавании из Константинополя в Сиракузы,¹⁸ состоял в дружеской переписке с итальянским гуманистом Гуарино Гуарини,¹⁹ любил читать сочинения Гомера, Софокла и Цицерона.²⁰ По воспитанию и убеждениям Исидор был гуманистом. Он был опытным дипломатом и ревностным сторонником идеи Унии: еще в 1433 г. по поручению византийского императора он, тогда еще игумен константинопольского монастыря св. Дмитрия, ездил на Базельский собор для переговоров о соединении церквей.²¹

Новгородский архиепископ Евфимий II взошел на новгородскую кафедру из игуменов Лисицкого монастыря, известного традиционными крепкими связями со Святой горой, интересом к переводным мистическим и исихастским сочинениям.²² Взгляды Евфимия II в первое десятилетие его правления (1429—1438 гг.) были достаточно широки, чтобы пригласить «немецких» мастеров строить архиепископскую палату (не культовое здание!) и соорудить первую в Новгородских землях часовню,²³ чтобы впервые в широких масштабах соединить официальное традиционное узконовгородское летописание с митрополичьим общерусским (Новгородская IV летопись). Для Новгорода в целом тогда были характерны культурные контакты не с Константинополем, как у Москвы, а с Афоном.²⁴ «Святогорская» ориентация Евфимия II сказалась, конечно, и в том, что в 30-х гг. с Афона в Новгород приезжает Пахомий Логофет, и в том, что архиепископ начинает распространять в своей епархии Иерусалимский церковный устав Афонской редакции.²⁵

Парадоксальные встречи и переговоры 1437 г. между новгородцем — «грекофилом» Евфимием и греком — «западником» Исидором не нашли отражения в источниках, но дальнейшие события позволяют думать, что про-

¹⁶ Новгородская первая летопись С 419

¹⁷ Гук ова С Н Естественнаучные знания в палеологовский период // Культура Византии XIII—первая половина XV в М, 1991 С 367

¹⁸ Бородин О Р Развитие географии в поздней Византии // Там же С 385

¹⁹ Карташев А В Очерки по истории Т 1 С 353

²⁰ Зимин А А Витязь на распутье С 85

²¹ Карташев А В Очерки по истории Т 1 С 349

²² Бобров А Г Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (Конец XIV—первая половина XV в) // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв Разные аспекты исследования СПб, 1991 С 78—98

²³ Новгородская первая летопись С 416, 418

²⁴ Вздорнов Г И Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв // ТОДРЛ Л, 1968 Т 23 С 181

²⁵ Бобров А Г Из истории летописания первой половины XV в // ТОДРЛ СПб, 1993 Г 46 С 12—13

ходили они непросто, и первым знаком разногласий между ними явилось изъятие митрополитом Пскова из новгородской юрисдикции.

Пока огромная делегация во главе с Исидором на двухстах лошадях медленно двигалась в Италию, и позже, когда шли заседания Ферраро-Флорентийского собора, православный мир как бы замер в ожидании вестей. И в Византии и на Руси многие ожидали, что «латиняне» покаются в своих догматических заблуждениях и признают правоту ортодоксии. В 1438 г. новгородские летописцы отметили только два события: приезд на княжение 3 марта Юрия Семеновича и новую попытку строительства церкви Николая в Вяжищском монастыре, обрушившейся годом раньше. В первой половине следующего 1439 г. летопись отмечает еще несколько незначительных «строительных» мероприятий Евфимия.²⁶ 28 августа 1438 г. в Перыньском монастыре игумен Дионисий Шестник заканчивает переписывать ноябрьскую служебную Минею «при благовѣрнѣмъ и велицѣмъ князи Василии Василиевиче Московствѣмъ, при архиепископѣ нашемъ Исидорѣ митрополитѣ Киевствѣмъ и всея Роуси, повелѣниемъ господина моего архиепископа владѣкы Еуфимиа Великаго Новгородорода».²⁷ Для нас важно, что в официальных выходных данных рукописи 1438 г. упоминается митрополит Исидор. В ожидании вестей с собора он по-прежнему признается в Новгороде законным главой русской церкви.

3. Отношение Новгорода к известию о провозглашении Флорентийской Унии (осень 1439 г. — лето 1440 г.).

Известие о провозглашении (6 июня 1439 г.) и, главное, о содержании решений Флорентийского собора должно было достичь Новгорода к началу осени, и реакция на него последовала незамедлительно. Согласно Житию Иоанна Новгородского, 4 октября 1439 г. в паперти Софийского собора «камень <...> отпаде от верхние стень» и разбил надгробную плиту. Под плитой был обнаружен некий архиепископ в нетленных ризах, который по молитве Евфимия II явился ему (это и был Иоанн) и повелел установить в этот день память по преставившимся князьям и архиепископам новгородским «и всем православным христианомъ».²⁸ К этой же дате (4 октября 1439 г.) следует относить и «Видение пономаря Аарона», которому явились «преже отшедшая архиепископы», и Евфимий, узнав об этом, «гробъ позлати князя Владимирера <...> и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память им управи творити на всяко лѣто мѣсяца октября 4».²⁹ Аналогичным известием об установлении памяти князю Владимиру 4 октября 1439 г. завершается основная часть Комиссионного списка НМл. (далее текст написан другой рукой и на бумаге с другой филигранью).³⁰ Как отметил Д. С. Лихачев, «выходило так, что не Евфимий II насаждал почитание новгородских святых и воскрешал память о забытых временах новгородского расцвета, а само прошлое как бы напоминало о себе».³¹ После чудесных

²⁶ ПСРЛ Т 4, ч 1 Вып 2 С 436

²⁷ РНБ, Соф 191, л 299 Наименование Исидора здесь одновременно архиепископом и митрополитом не должно смущать в рукописи 1433 г о предыдущем митрополите вообще говорится «при архиепископѣ нашемъ Герасимѣ Киевствѣмъ и всеа Русѣи» (ГИМ, собр Чертова, № 230-1')

²⁸ О датировке чуда см Бобров А Г Из истории летописания С 14

²⁹ ПСРЛ Т 4, ч 2 Вып 2 С 491

³⁰ Новгородская первая летопись С 7—8 420 На этом рубеже основного и дополнительного текста НМл сменяется и календарный стиль последний год основной части — 6947 (1439/1440 мартовский год), а первый в дополнительной части — 6948 (1439/1440 сентябрьский год) См Бережков Н Г Хронология русского летописания М 1963 С 303

³¹ Лихачев Д С Новгород Великий Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв М 1959 С 69

событий осени 1439 г. Евфимий II уже по собственной инициативе в 1440 г. освидетельствовал мощи Варлаама Хутынского.³² Начиная с 1439 г. в писцовых записях на рукописях, переписанных «повелением» Евфимия, полностью исчезают упоминания как великого князя, так и митрополита.³³ Наконец, участник русского посольства иеромонах Симеон Суздальский, принявший сторону противников Флорентийской Унии, уже после ее подписания, во время остановки в Венеции 9 декабря 1439 г. бежит из «крепости» и весной 1440 г. прибывает в Новгород, где проводит все лето при дворе Евфимия II.³⁴ Очевидно, отношение архиепископа к готовившейся Унии Симеон мог понять еще при первых встречах в Новгороде осенью 1437 г.

Создание культа новгородской «старины» Евфимием II начинается только с осени 1439 г.,³⁵ а до этого он занимал иную, «общеправославную» позицию.³⁶ Впрочем, по сути дела он ей и не изменил: вовсе не «новгородский сепаратизм» и западническая ориентация, как полагают многие исследователи, а, напротив, неприятие Унии определяло его действия.

О всплеске антизападных настроений в конце 1439 г. можно судить по письму ганзейских купцов из Новгорода бургомистрам и магистрату Ревеля от 28 декабря 1439 г.³⁷ В этом письме подробно описывается, как при установке новых ворот Готского двора на Михайловой улице плотник стесал мостовую на ширину ладони, так как новые косяки были толще прежних. В результате разгорелся конфликт с участием старост Михайловой улицы, новгородского тысяцкого и посадника, а также «большого числа возбужденных людей».³⁸ Раздавались даже угрозы повесить приказчика Готского двора. Незначительный бытовой вопрос перерос в серьезное столкновение, видимо, под влиянием антизападных настроений новгородцев вскоре после получения известия о заключении Флорентийской Унии. В дальнейшем этот конфликт привел к полному разрыву отношений и отъезду всех западных купцов из Новгорода, причем сам Евфимий II даже отказался принять на хранение ключи от немецкой церкви.³⁹

³² Об этом повествуется в распространенной редакции Жития Варлаама Хутынского (см. Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний Л., 1973 С. 54—55)

³³ См., например, записи на рукописных книгах 1441—1443 гг. РНБ, Соф. 196 (1441 г.), Соф. 200 (1441 г.), Соф. 1248 (1441 г.), РГБ, собр. Румянцева (ф. 256), № 273 (1441 г.), № 438 (около 1441 г.), ГИМ, Син. 332 (вкладная запись 1441 г.), собр. Шукина, № 9 (1442 г.), БАН, 16.14.15 (1443 г.) и др.

³⁴ Этот факт Я. С. Лурье сопоставил с тем, что первое известие о неприятии унии появилось именно в новгородских летописях, и объяснил тем, что «латинская» опасность осознавалась здесь сильнее, чем в Москве (Лурье Я. С. Две истории Руси С. 107)

³⁵ Джозл Раба обратил внимание на тот факт, что в области строительства Евфимий 1430-х гг. был новатором, обогатившим новгородскую архитектуру новыми, доселе неизвестными образцами, а Евфимий 1440-х гг. обращается к прошлому (Raba J. Archiepiscopal authority and Novgorodian culture in the fifteenth century // IJSLP 1985 Vol 31—32 P 356). Отметим также, что с начала 1440-х гг. в новгородских рукописях наблюдается расцвет тератологического декора, казалось бы, уже ушедшего в прошлое и вытесненного балканским орнаментом (см. Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода XV век М., 1994 С. 65)

³⁶ См. Бобров А. Г. Из истории летописания С. 11—15

³⁷ Клейненберг И. Э., Севастьянова А. А. Уличане на страже своей территории (По материалам ганзейской переписки XV в.) // Новгородский исторический сборник Л., 1984 Вып. 2 (12) С. 157—164

³⁸ Там же С. 161

³⁹ Рыбина Е. А. Ганзейская контора в Новгороде в XV в. // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Тез. докл. и сообщ. науч. симпозиума Новгород 1986 С. 8

4. Возвращение митрополита Исидора (осень 1440 г.).

Следующий этап развития событий наступил после возвращения митрополита. Приезд Исидора из Италии псковским летописцем был отмечен вполне благожелательно: «Того же [6949] лѣта на осень приѣха митрополитъ киевскій Сидоръ, на Покровъ святѣи Богородицы, из собора от Риму, из Флорентея града, от вселеньскаго собора, и от римскаго папе Евѣнгения, и присла во Псковъ свое благословение и грамотъ». ⁴⁰ Дата 1 октября 6949 г., несомненно, соответствует 1440 г., так как здесь применено сентябрьское летосчисление (в предыдущей годовой статье последняя точная дата — 29 августа, а первая в анализируемой — 5 сентября). ⁴¹

Хотя псковский летописец не говорит прямо, куда именно прибыл Исидор, известно, что в августе 1440 г. он был уже в Вильно. ⁴² Действительно, в дальнейшем Псковская I летопись утверждает, что Исидор весной следующего 1441 г., «в вербную неделю», прибывает в Москву из Литвы, ⁴³ а Псковские II и III летописи прямо уточняют, что «на Покров» 1440 г. он прибыл именно в Литву, ⁴⁴ откуда, очевидно, и осуществлял руководство своей митрополией: «...позва свего намѣстника Галасѣя псковьскаго архимарита; онъ же поѣха изо Пскова на Николинъ день на осенни; и по томъ присла митрополит иного архимарита во Псковъ Григориа по Петрове дни зимнем». ⁴⁵

Новгородский летописец, правда, считает, что Исидор «тои же зимѣ приѣха <...> съ осмого собора на Русь из Рима», ⁴⁶ но следует отметить, что представления новгородских летописцев о «Руси» весьма неоднозначны: иногда для них что не Новгород — то и Русь (ср.: «бысть пожаръ в Руси: погорѣ город Москва, Вологда, Витебско»). ⁴⁷

Возможно, подобно своему предшественнику Герасиму, Исидор обосновался в Смоленске. Для такого предположения у нас есть достаточно веские основания. Согласно первоначальной авторской редакции сочинения Симеона Суздальского о Флорентийском соборе, сторонник митрополита Исидора князь Юрий Семенович (Лугвениевич) обманом вызвал иеромонаха из Новгорода в Смоленск, где противник Унии просидел всю зиму 1440/1441 г. «въ двоих железех». ⁴⁸ Симеон так описывает события, случившиеся после его возвращения в Новгород: «В то же время прииде князь Юрьи Семеновичъ Лугвениевич, и сѣде въ Смоленску въ своети вотчинѣ. И тому митрополиту пришедшу Исидору со збора. И присла по мене князь Юрьи к Новугороду, и мнѣ пошедшу къ Смоленску, надѣющися, яко христианинъ есть. <...> И руку свою дасть ми на томъ, яко „ничтоже ти будетъ, токмо честь тебе будетъ от мене и от всѣхъ христианъ“. И мнѣ у него пребывшо немного дни, и ту быша грекове митрополчичи чернцы, и выдать мя имъ, глаголя на мя много. Мнѣ же всю зиму сѣдѣвшу въ двоих железѣх в велицѣ нужи въ единой свитцѣ и на босу ногу». ⁴⁹ Далее в своем сочинении Симеон вновь возвращается к

⁴⁰ Псковские летописи Вып 1 С 45

⁴¹ Н Г Бережков предполагает, что «1 октября датировано здесь прибытие Исидора в тот город великого княжества, из которого митрополит прислал грамоты во Псков» (Бережков Н Г Хронология русского летописания С 346)

⁴² Карташев А В Очерки по истории Т 1 С 354

⁴³ Псковские летописи Вып 1 С 45

⁴⁴ Псковские летописи / Под ред А Н Насонова М 1955 Вып 2 С 46, 134

⁴⁵ Псковские летописи Вып 1 С 45

⁴⁶ Новгородская первая летопись С 421

⁴⁷ Там же С 346

⁴⁸ Малинин В Старец Елсазарова монастыря Филофей и его послания Киев 1901

Прил С 98

⁴⁹ Там же Прил С 97—98

описанию приезда митрополита Исидора с Флорентийского собора и замечает: «...много злата папа дал ему, и тою областию папешкою преиде вси земли, и Литовскую землю, доиде и до Киева, и до Смоленска. А в то лето въ Смоленску на княжение князь Юрьи Лугвениевич». ⁵⁰

Хотя суздальский иеромонах не говорит напрямую, что Исидор обосновался именно в Смоленске, это следует из общего смысла его рассказа: князь Юрий «седе» в Смоленске, и Исидор вернулся с собора (почти подразумевается — туда же); в Смоленске находится аппарат (двор) митрополита — его чернецы, причем не проездом, так как всю зиму Симеон находится у них в заточении и позже отсюда они повезут его в Москву; наконец, Смоленск назван как конечный пункт маршрута Исидора с собора. Следует также отметить, что в поздней польско-белорусской «Летописи Панцьрного и Аверки» находится указание, хотя и довольно туманное, на пребывание Исидора в Смоленске после возвращения с Флорентийского собора. ⁵¹

В том, что Смоленск тогда мог быть избран резиденцией митрополита, есть определенная логика компромисса между Вильно и Москвой. Еще смоленский епископ Герасим, избранный в 1433 г. митрополитом «Киевстѣмь и всеа Русѣи», ⁵² по свидетельству псковской летописи, «на Москву не поѣха, зане князи руския воюются и сѣкутся о княжении великомъ», ⁵³ а стал жить в Смоленске. После его гибели в 1435 г. митрополичий двор, очевидно, находился здесь в ожидании нового иерарха.

Если наши рассуждения верны, то становится ясной причина расхождения информации псковского и новгородского летописцев о том, куда приехал Исидор — в Литву или на Русь, так как Смоленск, в зависимости от точки зрения, мог быть назван в это время и литовским, и русским городом. ⁵⁴

5. Сторонники Исидора (зима 1440/1441 г.).

Обосновавшись, вероятнее всего, в Смоленске, Исидор вел тонкую политику и добился заметных успехов. О. Пирлинг так описывает его тактику: «Митрополит, видимо, заранее решил подолгу останавливаться в славянских землях, чтобы всюду вербовать сторонников Унии и сломить сопротивление ее врагов. Можно сказать, что, пропагандируя идею Унии, Исидор хотел прилететь в Москву как на крыльях. Переходя от успеха к успеху, он мечтал этим подготовить свою окончательную победу в Кремле». ⁵⁵

⁵⁰ Там же Прил С 98

⁵¹ В разделе летописи, переписанной Михаилом Панцьрным из Витебска (не позже 1768 г.), содержится следующее известие «Roku 1439 Izydor, metropolit knowski, iezdił na sobor do Florencyi, tam go wczynił ościs swienty kardynałem, lecz za przybyciem do Kiowa powrociwszy z Florencyi tego kniaz moskowski nieulubiwszy, kazał osadzić go w Smolensku w wienzieniu, skond do Polski salwował sie u usiekł» (ПСРЛ М, 1975 Т 32 С 194) Перевод на русский язык «В лето 1439 Киевский митрополит Исидор ездил на собор во Флоренцию Там святой отец сделал его кардиналом Но когда возвратился он из Флоренции и прибыл в Киев, тогда Московский князь, негодуя на него велел послать его в Смоленск, в заточение, откуда он спасся бегством в Польшу» (Сапунов А Витебская старина Витебск, 1883 Т 1 С 457) По мнению С Г Жемайтиса, высказанному в личной беседе, фраза «kazał osadzić go w Smolensku w wienzieniu» может быть переведена и по-другому «велел осадить его в Смоленске в окружение» В обоих случаях известие не может быть признано исторически достоверным, однако указание на пребывание Исидора в Смоленске может восходить к местной устной традиции

⁵² ГИМ собр Черткова № 230-1, л 424

⁵³ Псковские летописи Вып 1 С 42

⁵⁴ Ср упомянутое выше причисление летописцем-новгородцем Витебска к русским городам Москва же в XV в неоднократно заявляла права на свою «вотчину» — Смоленск (см Насонов А Н История русского летописания XI—начала XVIII века Очерки и исследования М, 1969 С 301)

⁵⁵ Пирлинг О Россия и папский престол Кн 1 Русские и Флорентийский собор М 1912 С 95

Поддержкой Пскова митрополит заручился при помощи предоставления церковной независимости от Новгорода еще по пути в Италию. Вернувшись с собора, он отозвал архимандрита Геласия и прислал другого — Григория,⁵⁶ значит, Псков продолжал признавать законность власти Исидора.⁵⁷ По возвращении с собора Исидор получил союзников в лице православных западнорусских князей — Юрия Семеновича в Смоленске и Александра Владимировича в Киеве; последний даже дал ему грамоту, в которой подтвержались все права митрополита.⁵⁸

Особо следует сказать об отношении к Унии двух русских великих княжеств — Твери и Москвы. Я. С. Лурье уже отмечал, что в «Слове похвальном» великому князю тверскому Борису Александровичу, написанном иноком Фомой, «нет никакого осуждения Унии».⁵⁹ К этому следует добавить тот факт, что в первой, видимо, наиболее ранней части «Слова похвального» греческие иерархи, подписавшие Унию, восхваляют тверского князя, но среди них нет похвалы того, кто единственный не подписал ее, — Марка Ефесского.⁶⁰ Если это не следствие дефектности списка, то перед нами уже не «отсутствие осуждения», а ясно выраженная позиция.

Кроме того, существует московско-тверской мирный договор, заключенный «по благословению отца нашего Исидора, митрополита Киевского и всея Руси».⁶¹ Я. С. Лурье считал на основании этого документа, что «после возвращения Исидора митрополит рассматривался в Москве не как отступник», а как законный глава русской церкви.⁶² Датировка договора, однако, не может считаться окончательно установленной,⁶³ возможно даже, что он остал-

⁵⁶ В 1995 г во Пскове был обнаружен фрагмент печати, поступившей через антикварный рынок в одну из частных коллекций Санкт-Петербурга, с надписью на реверсе «[Гри]гория [наме]стник[а митро]полита» (см подробнее Белецкий С В Новые данные о псковско-новгородско-московских церковных отношениях в 30—40-е годы XV в // Церковная археология Материалы Первой Всероссийской конференции Псков 20—24 ноября 1995 года СПб, Псков, 1995 Ч 2 Христианство и древнерусская культура С 50—52

⁵⁷ В послании Филиппа Петрова новгородскому архиепископу Геннадию говорится о существовавшей в то время грамоте митрополита Исидора во Псков, подписанной следующим образом «Благословение Исидора митрополита Киевскаго и всея Руси, легатоса и от ребра апостольскаго съдѣлица лятскаго и литовскаго, и немецкаго, въ Псков о Святѣм Дусѣ» (РНБ Q XVII 50, л 94 Сборник XVI в) Об этом послании см Будовниц И У Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII века М, 1969 С 356

⁵⁸ Карташев А В Очерки по истории Т I С 355

⁵⁹ Лурье Я С Две истории Руси С 106

⁶⁰ ПЛДР Вторая половина XV века М, 1982 С 274—278 В единственном списке «Слова», правда, как раз в этой части вырван лист Это позволило Н В Поньрко и Я С Лурье предположить, что на нем могли быть записаны недостающие речи митрополитов Марка Эфесского, Исидора Русского и Досифея Монемавсийского (Там же С 610)

⁶¹ ДДГ С 105 (№ 37)

⁶² Лурье Я С Две истории Руси С 107

⁶³ Л В Черепнин находил указание на связь с событиями 1438—1439 гг (походом Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного против Улу-Махмета к Белеву и нашествием Улу-Махмета на Москву) в следующих словах докончания «А что ся есте воевали со царемъ, а положить на вас царь вину в том, и мнѣ вам, брате, не дати ничего в то, и моеи братьи молодшии, и моимъ братаничем, ни нашимъ дѣтем, ни внучатом, а вѣдѣтися в томъ вамъ самимъ» — ДДГ С 106 (Черепнин Л В Русские феодальные архивы XIV—XV веков М, Л, 1948 Ч 1 С 124) Этот текст, однако, вряд ли может быть использован для датировки договора, так как схожий с ним встречается в московско-тверском договоре, заключенном около 1396 г «А что есмѣ воевал со царемъ, а положит на нас в томъ царь вину, и тобѣ, брате, в томъ намъ не дати ничего ни твоимъ дѣтем, ни твоимъ внучатом, а в томъ намъ самимъ вѣдѣтися» — ДДГ С 41 Вероятнее всего, благословенный Исидором договор Москвы и Твери следует датировать 1437 г, когда митрополит находился еще на Руси, а не 1440—1441 гг, как я полагаю ранее (см Бобров А Г Церковные отношения Пскова с Новгородом и Флорентийская уния // Церковная археология Материалы Первой Всероссийской конференции Псков 20—24 ноября 1995 года СПб Псков, 1995 Ч 2 Христианство и древнерусская культура С 55) Датировать его временем после возвращения Исидора на Русь затруднительно ибо в нем упомянут как здравствующий «Жигимонт» (Сигизмунд), убитый 19 марта 1440 г (Бережков Н Г Хронология русского летописания С 303) когда Исидор был еще в Венгрии или Польше (на это обстоятельство обратила мое внимание О А Абеленцева)

ся только проектом,⁶⁴ подготовленным еще в 1437 г., но сам факт существования этого текста, благословленного Исидором, показателен.

Единственный довод, который может трактоваться как свидетельство негативного отношения Твери к Унии, — это утверждение Симеона Суздальского, что тверской посол на соборе Фома якобы бежал вместе с ним от Исидора во время остановки на обратном пути в Венеции. Однако еще А. Я. Шпаков заметил, что охранный лист, выданный папой послу Фоме, служит доказательством его независимости от митрополита.⁶⁵ Фома не был членом делегации Исидора и мог самостоятельно выбирать свой маршрут на Русь. Забегая вперед, заметим, что бегство Исидора из Москвы именно в Тверь осенью 1441 г. показывает, что даже после разрыва с Кремлем митрополит ожидал встретить здесь союзников. В Твери Исидор пробыл почти полгода (до 12 марта 1442 г.). Как справедливо указал Э. Клюг, «тверичам явно потребовалось время, чтобы определить свою позицию по отношению к Исидору».⁶⁶ Что же касается более раннего момента, зимы 1440/1441 г., то поддержка Унии Тверью представляется бесспорной.

Наконец, Москва. Согласно «Повести» Симеона Суздальского, Исидор еще в Италии говорил римскому папе, «яко вси в твои руце, вси князи и епископи: ни един со мною не может глаголати; а сам князь великий млад есть и в моеи воли есть».⁶⁷ Вряд ли это было лишь пустое бахвальство, и московско-тверской договор тому подтверждение.

Один из пунктов этого договора касался отношений с Новгородом: «А с Новымъ ти городомъ жити по старинѣ...».⁶⁸ Очевидно, с точки зрения Москвы, «старина» была нарушена. Зимой 1440/1441 г. без всяких видимых причин Василий II «възверже нелюбие на Новѣгород Великий, присла грамоту розметную и повоева волости новгородчких много».⁶⁹ Псковичи выступают заодно с москвичами, и псковский летописец сразу за известиями о приезде Исидора и сношениях с ним помещает подробный отчет о военных действиях. В соответствии с благословенным Исидором московско-тверским договором, тверские войска также приняли участие в военных действиях против Новгородской республики зимой 1440/1441 г.: «...а съ нимъ (Василием Васильевичем. — А Б) была сила Тверскаа, а воевода быть Александръ Романовичъ да Карпъ Федоровичъ».⁷⁰

Насколько летописцы дружно молчат о причинах этой московско-псковско-тверской агрессии против Новгородской республики, настолько теряются в догадках исследователи, предполагавшие, что либо Василий II просто «искал <...> добавочных доходов»,⁷¹ либо совершал «карательный поход» за заключение новгородско-литовского мирного договора,⁷² — но такой же договор с Литвой в разгар боевых действий 30 декабря 1440 г. заключили союзники Василия II — псковичи.⁷³ Разгадку, очевидно, надо искать в самом Великом Новгороде.

⁶⁴ Черепнин Л. В Русские феодальные архивы Ч 1 С 125

⁶⁵ Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества Киев, 1904 Ч 1 Княжение Василия Васильевича Темного С 92

⁶⁶ Клюг Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.) Тверь, 1994 С 329

⁶⁷ Черепнин Л. В К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // Средние века М, 1964 Вып 25 С 182

⁶⁸ ДДГ С 107

⁶⁹ Новгородская первая летопись С 421

⁷⁰ ПСРЛ СПб, 1863 Т 15 (Летописный сборник именуемый Тверской летописью)

Стб 491 (Репринтное переизд. М, 1965)

⁷¹ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке М, Л, 1961 С 247

⁷² Зимин А. А. Витязь на распутье С 90

⁷³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова М, Л, 1949 С 321—322 (№ 335)

6. Новгород против Унии (1440—1441 г.).

В отличие от своего псковского коллеги, новгородский летописец сразу говорит о возвращении Исидора с явным осуждением: «Тои же зимѣ приѣха митрополитъ Исидоръ съ осмого сбора на Русь из Рима, и нача зватися легатосомъ от ребра апостольскаго, сѣдалища римьскаго власти, и митрополитомъ римьскимъ, и нача поминати папу римьскаго въ службѣ, и инья вещи новья, их же николиже слышахомъ от крещения Руския земля; а повелѣ в лячких божницах рускимъ попом свою службу служити, а в руских церквахъ капланомъ. Литва же и Русь за то не изымашеся».⁷⁴ Существенно, что эта оценка дана новгородским летописцем ранее (в предшествующей годовой статье) рассказа о приезде митрополита Исидора в Москву.

Отношение новгородского архиепископа к сложившейся в 1440—1441 гг. политической и конфессиональной ситуации проявилось, на наш взгляд, в его строительной и иконописной программе. В конце летописной статьи 6948 г. (это соответствует для данного случая примерно осени 1440 г.⁷⁵) содержится, на первый взгляд, ничем не примечательное известие: «Постави владька церковь камену святую Анастасию».⁷⁶ Строительство этой церкви, однако, представляется делом далеко не случайным. Э. С. Смирнова в статье об иконах с изображением Богоматери «Знамение» (помогшей новгородцам одержать победу над суздальцами в XII в. при архиепископе Иоанне) отметила повторяемость на них определенных избранных святых, и среди них — великомученицы Анастасии.⁷⁷ Уже на самой ранней иконе этого типа (со святыми и «Знамением»), которую исследовательница датирует 30-ми гг.—серединой XV в., изображены Илья, Никола и Анастасия.⁷⁸ Присутствует ее изображение и на многих других иконах этого типа XV—XVI вв. В чем же причины такой распространенности почитания Анастасии в Новгороде начиная с эпохи Евфимия II?

Размышляя о значении отдельных персонажей и составе фигур в каждой иконе со святыми и «Знамением», Э. С. Смирнова говорит об Анастасии, что она — «святая-целительница; во время эпидемии чумы в 1417 г. новгородцы общими усилиями построили за один день деревянную церковь Анастасии».⁷⁹ В средневековом Новгороде известна только одна церковь Анастасии, значит, осенью 1440 г. каменная церковь была сооружена на месте деревянной 1417 г. О первоначальной деревянной церкви в Нѣмл. говорится, что она была поставлена «в память ея»,⁸⁰ т. е. в день ее церковного почитания. Известно три отдельно почитаемые святые Анастасии: две мученицы — так называемые Анастасия Старшая (память 29 октября) и Младшая (память 22 декабря), а также преподобная Анастасия (память 10 марта). «Святая-целительница», которую имеет в виду Э. С. Смирнова, — это великомученица Анастасия Младшая, или Узорешительница.⁸¹ Обращение к тексту Новгородской IV летописи позволяет уточнить, что церковь 1417 г. была посвящена «мученици Анастасии в память ея мѣсяца ок-

⁷⁴ Новгородская первая летопись С 421

⁷⁵ Предыдущее известие этой годовой статьи (о бегстве Юрия Семеновича из Литвы в Москву), как показал Н Г Бережков, уже выходит за пределы сентябрьского 6948 г т е относится к осени 1440 г (см Бережков Н Г Хронология русского летописания С 304)

⁷⁶ Новгородская первая летопись С 421

⁷⁷ Смирнова Э С О местной традиции в новгородской живописи XV в Иконы с избранными святыми и Богоматерью «Знамение» // Средневековое искусство Русь Грузия М 1978 С 193 211

⁷⁸ Там же С 194—196

⁷⁹ Там же С 211

⁸⁰ Новгородская первая летопись С 408

⁸¹ Христианство Энциклопедический словарь М, 1993 I I А К С 72

тября 29»,⁸² т. е. речь идет об Анастасии Старшей. Хотя в XV—XVI вв. постоянно наблюдается смешение двух Анастасий-мучениц⁸³ (так, например, в Великих Минях Четых оба их жития помещены под 29 октября⁸⁴), обращение к текстам житий позволяет думать, что в Новгороде эпохи Евфимия II особо почиталась именно Анастасия Старшая.

Ее житие известно по древнейшему датированному списку октябрьской Четый Миней 1490 г.⁸⁵ В нем рассказывается следующее: «Въ времена Диоклитияна царя <...> бѣ гонение велико христьяномъ в Римѣ». ⁸⁶ Старейшине Прову доносят, что «есть монастырь, иже прямо граду, христьяннихъ жень, еже наричаються преподобныя Софiя»,⁸⁷ и в нем живет Анастасия, возвещающая повсюду учение Христа. Посланные в монастырь воины, «влѣзше, рѣша къ игумени, еи же имя Софiя: „Еи, старице, даждь ны отроковищю, юже имаши zde, нарицаемую Анастасiю“». ⁸⁸ Игуменья Софiя просит дать ей немного времени и напутственно поучает Анастасию: «„...прельстятъ ты словесы многими, и имѣнии, <...> но стани крѣпко, якоже поистинѣ Христова невѣста“. И инѣми мнозѣми утверди ю словесы учителница ея Софiя». ⁸⁹ Когда святыю привели в Рим, «стариштина рече: „Почто ся наричаеши Анастасiя?“ — „Яко въстави ми Господь и Богъ мои трудатися предъ тобою, да негде побѣжду отца твоего сотону“». ⁹⁰ Старейшина уговаривает Анастасию отречься от веры: «Дамъ ти имѣние и ризы многы, и бисерь, и челядь многу...». ⁹¹ Она отказывается, и после ужасных мучений Анастасию выводят за город, казнят и бросают ее тело. «Великой Софiи, учителнице ея»,⁹² как именуется агиограф игумену, явился ангел и сказал: «Въстани и возми тѣло чада своего Анастасiя, процвѣте бо трудъ учения твоего <...> имаши ю молящююся за ты и за вся печалныя». ⁹³

Некоторые параллели между сюжетом жития и сложившейся в эпоху Флорентийской Унии ситуацией (гонение на христиан в Риме, попытки материальными благами склонить к отказу от веры) относятся к настолько распространенным топосам, что не могут пролить свет на расцвет почитания Анастасии в евфимиевском Новгороде. Существенной в этом житии представляется роль «великой» Софii, чей «трудъ учения процвете», благоговяющей Анастасию принять венец мученичества. Не только игумену в житии зовут Софией, но и сам монастырь посвящен преподобной Софii (в другом списке: «рекомыи Софiинь»⁹⁴). Известно, что Софiя для Новгорода — это не только кафедральный собор, но также символ и небесный хранитель республики и ее церковной организации.

Сочетание имен Софii и Анастасии, столь важное именно для Жития Анастасии Старшей, зримо воплощается в строительстве церкви, посвященной мученице Анастасии, не просто в Детинце, но вплотную к Софийскому собору, непосредственно у его южного фасада.⁹⁵ Осенью 1440 г., когда ко-

⁸² ПСРЛ Т 4, ч 1 Вып 2 С 418.

⁸³ Э С Смирнова отмечала запутанность и взаимозависимость культов Анастасий-мучениц (см Смирнова Э С, Лаурина В К, Гордиенко Э А Живопись Великого Новгорода XV век М, 1982 С 240—241)

⁸⁴ ВМЧ Октябрь Дни 19—31 СПб, 1880 Стб. 1987—1996

⁸⁵ РНБ, Соф 1385, л 432 об — 437 об

⁸⁶ Там же, л 432 об

⁸⁷ Там же

⁸⁸ Там же, л 433 об

⁸⁹ Там же

⁹⁰ Там же, л 434

⁹¹ Там же, л 434 об

⁹² Там же, л 437

⁹³ Там же

⁹⁴ ВМЧ Октябрь Дни 19—31 Стб 1987

⁹⁵ Гордиенко Э А Владычная палата Новгородского Кремля Л, 1991 С 15

алиция всех соседних русских княжеств собиралась начать войну против Новгорода, такое строительство должно было означать готовность новгородцев по благословиению Софии принять мученический венец за веру, отказавшись от возможных приобретений земных благ, по примеру Анастасии, чье имя толкуется в житии как «восстание» («Яко въстави ми Господь и Богъ мои труждатися пред тобою, да негле побѣжду отца твоего сотону»⁹⁶). Понятным становится и тот ряд ассоциаций, который вызывал древнейший тип иконы Богородицы «Знамение» с избранными святыми Ильей, Николой и Анастасией: старинная победа над великим княжеством («Знамение») при архиепископе Иоанне (Илья) вспоминается сейчас, при Евфимии (монастырь, где он принял постриг, вел строительство и впоследствии погребен, — см. *Николай Вяжичский*), когда новгородцы готовы во имя учения Софии принять даже мученичество (*Анастасия*).

С 1441 г. начинается ряд летописных известий о воссоздании Евфимием церковей XI—XII вв. «на старой основе». Первая из таких «воссозданных» церковей посвящена святым Борису и Глебу: «Того же лѣта постави архиепископъ Еуфимей церковь святыи Борисъ и Глѣбъ, на старой основѣ, во Околоткѣ; и быша ему пособъници новгородци».⁹⁷ Эта церковь, по размерам равная Софийскому собору, построенная в XII в. знаменитым Сотко Сытиничем и находившаяся на территории новгородского Детинца, ранее неоднократно перестраивалась, а в последний раз перед восстановлением сгорела в 1405 г.⁹⁸ Как показал В. Л. Янин, в XIV—XV вв. борисоглебский культ в Новгороде тесно связан с идеей небесного заступничества в военных столкновениях.⁹⁹ Заметим, что во всех отмеченных исследователем случаях, когда Борис и Глеб помогают одерживать военные победы, противниками являются шведы или немцы, что придает новгородскому борисоглебскому культу «антизападный» или, точнее, «антикатолический» оттенок.

Таким образом, воссоздание церкви Бориса и Глеба в контексте событий 1441 г. и общего отношения Евфимия II к Флорентийской Унии может быть соотнесено с обращением к небесным заступникам православной республики, а фраза летописца «и быша ему пособъници новгородци», видимо, свидетельствует о поддержке не только самого строительства, но и позиции архиепископа горожанами.

Частью широкой культурной программы Евфимия II было и создание знаменитой иконы «Битва новгородцев с суздальцами».¹⁰⁰ Лежащий в ее основе сюжет на протяжении XIV—первой половины XV в. неоднократно вновь и вновь становился актуальным (например, в 1340, 1393, 1398, 1401, 1417 гг.), что порождало новые версии и переработки исходного повествования. Не мог он не вызвать исторических сопоставлений и в 1441 г. Опять, как и в XII в., на Новгород двинулась «вся земля Русская»; вновь столкновения происходили как вблизи города, так и на Двине. При всей повторяемости исторических событий, на иконе есть два мотива, которые находят объяснение лишь в контексте войны 1440—1441 гг. Во-первых, в центре

⁹⁶ РНБ, Соф. 1385, л. 434.

⁹⁷ Новгородская первая летопись... С. 421.

⁹⁸ Там же. С. 398.

⁹⁹ Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце: (О новгородском источнике «Жития Александра Невского») // Культура средневековой Руси: Посв. 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 91.

¹⁰⁰ Икона известна в целом ряде списков, из которых два древнейших (из Третьяковской галереи и из Новгородского музея) датируются по стилистическим признакам приблизительно серединой—второй половиной XV в. Современные исследователи предполагают, что сюжет возник при архиепископе Евфимии II, после 1439 г., когда было установлено церковное почитание архиепископа Иоанна (см.: Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода: XV век. С. 83—86, 100—101, 150—154, 217—220, 229—230).

среднего регистра иконы изображены переговоры (две группы всадников и надписи: «послове»; «суздальцы»¹⁰¹), о которых, как установил Л. А. Дмитриев, письменные источники до середины XV в. ничего не упоминают. Только в Новгородской V летописи, созданной около 1447 г., появляется фраза: «...и слы съезжахуся по три дни и не умиришася».¹⁰² Вероятно, этот мотив послов и переговоров проникает в летопись из иконы, а в нее в свою очередь — из реальных событий 1441 г., в которых переговоры, как мы увидим, сыграли ключевую роль.

На иконе «Битва новгородцев с суздальцами» есть еще один мотив, неизвестный письменным источникам (в том числе и поздним): только здесь мы видим Бориса и Глеба, помогающих осажденному городу.¹⁰³ Характерно, что святые князья выступают здесь против своих «сродников» — Рюриковичей. Упомянувшийся «антикатолический» характер новгородского борисоглебского культа и восстановление церкви Бориса и Глеба именно в 1441 г. позволяют связать появление этого мотива также с войной Новгорода против благословенной Исидором коалиции русских княжеств.

Итак, в вопросе об Унии Евфимий II занял ту же позицию, что и его духовные учителя и сподвижники — афонские монахи, наотрез отказавшиеся признать решения Флорентийского собора. Известно, что святогорские иноки отправили на Русь послание, в котором выступали против решений объединительного собора,¹⁰⁴ и новгородский архиепископ, возможно, был знаком с ним. Поддержка далеких афонских монахов, однако, мало что значила с военной точки зрения. Вопреки традиционному мнению о неуспехе дела Унии на Руси,¹⁰⁵ Исидор был близок к полной победе, а положение Новгорода было критическим.

7. «Странный» мир (конец зимы 1441 г.).

Тем временем военные действия продолжались. После того как псковские отряды повоевали на порубежных землях и дошли до Порхова, как Василий II в Деревской пятине подступил к Демону, а новгородские воеводы «с заволочаны» повоевали великокняжские земли, возле города Демона состоялась встреча «на высшем уровне» между великим князем и новгородским архиепископом, и был заключен не менее «странный» мир, чем сама война.

Новгородский летописец пишет только следующее: «...докончаща с ним (Василием II. — А. Б.) миръ по старинѣ, и даша ему 8000 рублевъ».¹⁰⁶ Пскович хотя и более подробно излагает ход переговоров, но ясности добавляет

¹⁰¹ Как заметила В. К. Лаурина, в композиционном и геометрическом центре иконы «Битва новгородцев с суздальцами» из Новгородского музея дана рука одного из суздальцев (послов) с указующим перстом (Лаурина В. К. О новгородской иконописи XV в. // Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода: XV век. С. 151). Несомненно, этот требовательный жест принадлежит великому князю, возглавлявшему, согласно данной иконописной версии, переговоры в XII в., и является смысловым стержнем всего изображения. Невозможно, однако, согласиться с мнением В. К. Лауриной, что «острожный иконописец», изобразив этот жест в центре композиции, «уважительно изображает» противника Новгорода, «отдавая тем самым дань и могущественной Москве» (Там же). «Московская» аллюзия здесь очевидна, но именно противостояние Новгорода повелительному жесту великого князя определяет композицию иконы.

¹⁰² Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера... С. 145.

¹⁰³ Там же. С. 144—145.

¹⁰⁴ Карташев А. В. Очерки по истории... Т. 1. С. 355—356.

¹⁰⁵ См., например, Макарий, архим. История русской церкви. СПб., 1866. Т. 5, кн. 2. С. 363—367; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV веках. М.; Л., 1959. С. 233—236, и др.

¹⁰⁶ Новгородская первая летопись... С. 421.

му канону. Лишь одна фраза Пахомия, возможно, косвенно намекает читателю, хотя и в самых общих выражениях, на роль Евфимия II в ситуации 1440—1441 гг.: «Аще бо нѣщи, иже богатствомъ и саномъ велицы, законопреступно дѣяти хотяще, зѣло тѣмъ запрещаше».¹¹³

Политическая победа Евфимия над Исидором и неприятие Флорентийской Унии Русью предопределили в какой-то степени многие дальнейшие события и тенденции — неуспех как идеи Унии в целом, так и антитурецкой военной кампании 1443—1444 гг., и падение Константинополя, так и не получившего реальной военной помощи, и автокефалию русской церкви, и постепенное затухание в русской культуре предвозрожденческих гуманистических веяний. Как справедливо заметил в статье о Флорентийском соборе И Мейендорф, «московское религиозное и политическое самоутверждение, которое вскоре приобрело мессианские формы, <...> является не причиной, а следствием событий середины XV в.».¹¹⁴

Что же касается церковной независимости Пскова от Новгорода — разменной монеты в игре политиков, то она продолжала существовать какое-то время после Демонского мира 1441 г. и бегства Исидора, так как и в 6950 (1442) г. псковская летопись упоминает архимандрита Григория.¹¹⁵ Возможно, юридически отменить решение предыдущего митрополита смог только следующий — Иона, избранный собором русских епископов лишь в 1448 г.¹¹⁶ Во всяком случае, когда в 1449 г. после 14-летнего перерыва состоялся традиционный приезд новгородского архиепископа Евфимия II во Псков, ни о каком архимандрите речь уже не идет. В псковско-новгородских отношениях воцаряется идиллическое согласие до следующего «розмирия» ..

¹¹³ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко СПб, 1862 Вып 4 С 20

¹¹⁴ Мейендорф И Ф Флорентийский собор Причины исторической неудачи // ВВ М, 1991 Т 52 С 97

¹¹⁵ Псковские летописи Вып 1 С 46

¹¹⁶ С В Белецкий считает, что «возвращение псковского наместничества в состав новгородской епархии произошло вскоре после потери архимандритом Григорием статуса наместника митрополита, то есть — вскоре после 1442 г» (Белецкий С В Новые данные С 52) Неясно, однако, почему исследователь дату последнего упоминания архимандрита Григория источниками отождествляет с датой потери им своего статуса